

НЕБЕС ИЮНЬСКИХ СИНЕВА

Небес июньских синева.
Расплавлен воздух, заставляя,
Пыльцу беспечно оседать
На лапках пчел. Пернатых стая,
Укрывшись в густоте листвы,
Щебечет о своем на птичьем,
Здесь ветер тих и шелковист
Ласкает кожу по привычке.
Все — нега теплая, покой,
А шаг людской неторопливый.
Так лето коротко порой,
Что умиряет всю строптивость.
Застыла Буддой стрекоза
В сияньи золотого света...
И думаешь, кому сказать,
Что счастье — это сплав моментов.

ПОД КРЫЛОМ

Под крылом — не пустоты,
темно-синяя заводь,
дети птиц — большероты,
а людские — курчавы.
Над гнездовьями небо,
облака и зарницы;
в Бога веруя слепо,
сеешь рожь и пшеницу.
И от этого благо
и пчелиная щедрость,
над слоистым оврагом
одуванчиков цедра.
И такое раздолье,
что живи — сколько хочешь,
где разлит над юдолью
запах нежный цветочный.

ТАК СМОТРЯТ ВДАЛЬ

Так смотрят вдаль в расстегнутом пальто
с апрельской невостробованной смутой.
Заглохлый лес, еще не обжитой,
горчит чадящим дымом самокруток.
Не хочешь, но уверуешь — не здесь
расплачиваться временем.
Стареет в березовых прожилках новодел
под робкими руками подмастерья.
Немеет голос в жадной глубине
белесого замшелого пространства.
Отчаянно пытаясь голубеть,
свет падает с упрямым постоянством.
Ложится шелудивым псом к ногам
деревьев, пренебрегших переходом,
протягивая к гнездам воронья
собачью разлохмаченную морду.
Озябший день с землей наперевес
в просветы неба подставляет спину,
где солнце зреет в рыжей скорлупе
на крыльях осторожных журавлиных.

РЕКА

Река сонлива, но строга.
Прохладный воздух выдыхая,
ведет плечом.
По берегам туман слоистый.
Птичья стая
в гнездовыхх дремлет.
Ни души.
Вокруг — пространственная роскошь.
Час предрассветный нерушим:
ни плеска вод, ни отголоска.
Лишь зябко жжится ветла
да ива косы распустила,
где тень ей под ноги легла
от гололобого светила.

МАЙ МЕСЯЦ

Май месяц.
Выбеленных стен в себе уже не обнаружишь.
Юродив, пристален, блажен
смотрящий вдаль.
Ствол старой груши кривится.
Рядом с домом скарб
под солнцем греется.
Извечен вопрос воинствующих царств.
Готов к пиликанию кузнечик —
пищалка божия, свирель,
бубенчик, верткая козявка.
Над головой — облатка-гжель
небес качающихся.
Лавка
кренится на бок от времен,
для всех давно ветхозаветных...
Где человек приговорен
к скворцу, поющему на ветке

ЛЕТО ПОКА ЕЩЕ, АВГУСТ

Лето пока еще, август;
держатся листья за ствол.
Плавает дым тугоплавкий,
трется боками о стол.
Яблочный дух перемешан
с кислым дыханием слив,
метки, зарубки и вешки,
выводок птичий криклив.
Осень на подступах к саду,
пенится браги рассол.
Время плодовое — падать
в бабий цветастый подол.

ВОТ И МНЕ

Вот и мне обижаться нет смысла
за огонь, за цыганство в крови.
Изгибается мост коромыслом
над рекой... Та хохочет: «Плыви!»
Под чугуной оградой, быками,
под копытами строгих опор
волны в берег толкаются лбами,
расширяя воды кругозор.
Я смотрю на движение молча,
на упорный и тягостный труд.
С аппетитом отчаянно-волчьим
белогрудые чайки орут.
Тихий ход бесконечной рутины,
мельтешение ряби... Сейчас
все — от святости до чертовщины —
от души перемешано в нас.
Отрицание правды — мятежно,
а река все течет да течет...
Белый дым, голубая скворешня
и черемушный крупчатый мед.

ВЕЧЕР, ПОХОЖИЙ НА РЫЖУЮ КОШКУ

Вечер, похожий на рыжую кошку,
входит без спроса, ложится под стол.
Лампа мигает и смотрит в окошко
на подпоясанный яблони ствол.
Тикают часики, топится печка,
киснуть всю ночь предстоит молоку.
Нитка из шерсти прядется овечьей,
тянутся шеи теней к потолку.
За неимением в доме хозяев
бродит сквозняк от стены до стены,
лязгает тихо щеколда дверная,
под неусыпным взором луны.
Вещи, которые дороги были,
все, как и прежде, на старых местах...
Сад и река в позолоченной пыли
и всепрощающий Бог в небесах.